

17. Гудкова А.В., Клейман И.Б., Сон Н.А. Раскопки позднеантичной Тире // Проблемы античной истории и культуры (Эйрене XIV). – Т.2. – Ереван, 1979. – С.286.
18. Павленко Ю.В., Сон Н.О. Пізньюантична Тіра та ранньодержавне об'єднання візиготів // Археологія. 1991. № 2. – С.7-14.
19. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. – М., 1972. – С.327.
20. Там же. – С.328.
21. Там же.
22. Шелов Д.Б. Волго-донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М., 1978. – С.84.
23. Там же. – С.86.
24. Бёттгер Б., Виноградов Ю.Г. Результаты исследований совместной русско-немецкой археологической группы в Танаисе в 1993 г. // МОБЧМ. – Ростов-на-Дону, 1994. – С.67.
25. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. – С.330.
26. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. К вопросу о торговых связях Танаиса // МОБЧМ. – Ростов-на-Дону, 1994. – С.69-70.
27. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. – С.312.
28. Шепко Л.Г. О территориально-административной структуре Боспорского государства в первые века н.э. // Из истории древнего мира и средних веков. – М., 1988. – С.57.
29. Арсеньева Т.М., Шелов Д.Б. Исследования Танаиса в 1966-1969 гг. // КСИА. 130. 1972. – С.95.
30. Арсеньева Т.М., Казакова Л.М., Науменко С.А. Работы Нижне-Донской экспедиции в Танаисе в 1993-1994 гг. // ИАИАИАНД. 14. – Азов, 1997. – С.41.
31. Там же. – С.42.
32. Там же. – С.43.
33. Бёттгер Б., Виноградов Ю.Г. Результаты исследований совместной русско-немецкой археологической группы в Танаисе в 1993 г. – С.65. [120]
34. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Раскопки Танаиса в 1981-1984 гг. // КСИА. 191. 1987. – С.76.
35. Там же. – С.82.
36. Иванов А.А. Комплекс гуннского времени из дельты Дона // РА. 2001. № 2. – С.119-121.
37. Безуглов С.И. О погребениях V века в Танаисе (по раскопкам В.В. Чалого) // ИАИАИАНД. 11. – Азов, 1993. – С.127.
38. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. – С.329.

К ПРОБЛЕМЕ ВАРВАРИЗАЦИИ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО СЕВЕРНОГО ПОНТА

Н.Н. Болгов (Белгород)

Новейшее определение Великого переселения народов считает его особым периодом исторического развития, когда на значительном историческом пространстве (уже не античность, но еще не средневековье), ограниченном конкретными хронологическими рамками (II-VII вв.) и определенной территорией (Европа, Азия, Африка), взаимодействие варварства и цивилизации достигло своей наиболее интенсивной фазы. Результатом этого взаимодействия, как следствия взаимопроникновения и взаимоуничтожения античного и варварского миров, явилось зарождение нового типа цивилизации¹.

В восточных провинциях империи, превращавшихся в Византию, включая ее периферию (Северное Причерноморье), континуитетные начала в переходный период все же преобладали, что и предопределило весь облик Византии. Таким образом, варваризация вообще, и контакты с варварами в эпоху Великого переселения в Северном Причерноморье в частности, могут рассматриваться как дисконтинуитетные явления, разрушавшие процесс постепенной эволюции традиционных структур.

Изучать этнические процессы по археологическим материалам достаточно сложно. С одной стороны, археологическая культура действительно отражает социальную общность, обладающую определенным уровнем этничности. Единство материальной (и частично духовной) культуры, вскрываемое археологами, и есть фундаментальная характеристика этнического единства². [121] Под раннесредневековой этнической общностью (а варваров эпохи переселения как носителей элементов новых цивилизаций можно назвать именно так) понимается любая группа людей, которая: 1) объединяется общностью происхождения, общностью исторических судеб и осознания людьми своего единства в прошлом и настоящем; 2) представляет иерархически организованное потестарное единство³. Этническая общность является открытой системой. Корпоративность – свойство закрытой системы. Но в эпоху Великого переселения народов этническая общность может переживать периоды «закрытости» для сохранения своей системы. Внешняя корпоративность отделяет членов данной общности от их соседей, т.е. представляет фактор этнической дифференциации. Задача внутренней корпоративности состоит в обеспечении целостности этой общности и ее нормального функционирования в качестве таковой. Этноориентированная корпоративность сплачивала этнически разнородные племена вокруг одного, которое более ярко несло в себе главную идею, «ядро традиции» сплочения. Этот коллективный лидер побуждал ведомые им племена принимать порой хотя бы на время не только этническое имя своего лидера, но и усваивать некоторые стереотипы его поведения⁴.

С другой стороны, археологически точно и бесспорно определить «процент» того или иного этнического элемента в сложной и полиэтнической археологической культуре почти невозможно.

Этническое развитие реализовывалось главным образом через структуры власти общества. Поэтому этнические процессы тесно связаны с процессами политическими и являются составной частью процесса социально-политического континуитета.

Все варварские этносы, вступавшие в соприкосновение с позднеантичными государственными образованиями, так или иначе находились на стадии зарождения собственной государственности. Г. Классен выделяет три основных типа раннего государства:

1) Зарождающееся: доминирование родственных, семейных и общинных связей в сфере политики, ограниченное число полных специалистов, слабые формы налога; социальный контраст подавляется взаимностью и прямыми контактами между правителем и управляемыми.

2) Типичное: родственные связи уравниваются локальными; соперничество и назначение уравнивают принципы наследования; [122] неродня, чиновники и носители титула играли ведущую роль в правящей администрации; распределение и взаимность доминирует над отношениями между социальными стратами.

3) Переходное к зрелому: администрация назначается, родство влияет на отдельные аспекты в правлении, где зародились частная собственность, рыночная экономика, антагонистические классы.

Раннее государство – это централизованная социально-политическая организация для регулирования социальных отношений в комплексном, стратифицированном обществе, разделенном на две (или больше) основные страты, или возникающие социальные классы, т.е. правители и управляемые, чьи отношения характеризуются политическим доминированием первых и данническими обязательствами последних, узаконенными в общей идеологии, в которой взаимность составляет основной принцип⁵.

Предшествующей раннему государству стадией является вождество – это социальный организм, состоящий из группы общинных поселений, иерархически подчиненных центральному, наиболее крупному из них, в котором проживает правитель (вождь). Последний, опираясь на зачаточные органы власти, организует экономическую, редиистрибутивную, судебную-медиа-тивную и религиозно-культурную деятельность общества. Вождество – это первый в истории опыт введения политической иерархии и преодоления локальной автономии общин⁶. Признаки вождества:

1) это один из уровней социокультурной интеграции, который характеризуется наличием надлокальной централизации, сравнительно большой численностью населения и сплочением трудовых ресурсов;

2) в вождестве существовали иерархическая система принятия решений и институты контроля, но отсутствовала узаконенная власть, имеющая монополию на применение силы;

3) имелась четкая социальная стратификация, зарождались тенденции к выделению эндогамной элиты в замкнутое сословие;

4) важную роль в экономике играла редиистрибуция – перераспределение прибавочного продукта по вертикали («подарки создают рабов, как кнуты собак»);

5) вождество как этнокультурная целостность характеризуется общей идеологической системой и/или общими культами и ритуалами; [123]

6) правитель имел ограниченные полномочия, а вождество в целом являлось структурой, не способной противостоять распаду общества;

7) верховная власть носила сакрализованный, теократический характер⁷.

Вождества делятся на военные, теократические, тропико-лесные. Варвары эпохи Великого переселения народов в Северном Причерноморье принадлежали, бесспорно, к первому типу.

Как показывают исследования последних лет⁸, варваризация Боспора в конце III - VI вв. была далеко не завершившимся процессом. Античный мир здесь, особенно с эпохи эллинизма, в целом терпимо относился к варварам. При политической власти эллинистического типа в любом государстве со смешанным населением допускалось сосуществование всех культур и религий, но греческий язык неизменно доминировал и поддерживался властями везде, где было сколько-нибудь значительное греческое население. Боспор-

ские правители относились враждебно лишь к вооруженным набегам варваров на свои территории. Мирное оседание на земле они не возбраняли. В истории Боспора, впрочем как и везде в античном мире, ни одна этническая группа не выступала против политики боспорских царей под «национальными» лозунгами, не проявляла сепаратизма и не стремилась к политическому самоопределению. Таким образом, на Боспоре ярко проявился примат территориального принципа организации общества над этническим.

Варваризация греков, живших в варварском окружении, была столь же естественна и неизбежна, как и эллинизация варваров, по крайней мере - их верхних слоев. Другой вопрос: до какой степени? Характер ассимиляционных процессов и их темп зависели на Боспоре от ряда факторов: - от интенсивности и численности притока новых иммигрантов и длительности их пребывания в стране, - от сходства или различия их языка и культуры по отношению к местному населению, - от особенностей социального и профессионального состава переселенцев, - от характера расселения: мирного или военного, - имело ли место переселение части покоренного населения, - шло ли переселение преимущественно в города или заселялась сельская территория, - от наличия или отсутствия дискриминационных мер, - от внутренней сплоченности, роли «национальных» организаций (политических, религиозных, культовых) как переселенцев, так и исконных обитателей страны. [124]

Учет всех этих факторов не позволяет говорить о полной победе варваризации Боспора даже в V веке. Сама организация боспорской территории, мощное консервативное воздействие античной в своей основе боспорской культуры привели к тому, что волны варварских переселений не захлестнули далекий, в значительной степени изолированный островок цивилизации, а соединили греков и варваров в территориально-культурную общность «боспорян» на основе греческого элемента. Греческий базис боспорской культуры оказался таким мощным, что можно говорить о его победе в борьбе различных этнокультурных сил. Если не забывать о том, что этническая сплоченность той или иной общности поддерживалась господствовавшей в ней социальной системой, наглядно выступает роль боспорской государственности в этнических процессах. Готский разгром III в. резко сократил сферу боспорского влияния на окрестные территории. Вхождение Боспора в сферу влияния гуннской державы неимоверно его расширило (посредством главным образом аланов). Несмотря на известный отход от классических форм греческого языка (а он не мог не происходить), письменность продолжает выполнять свою функцию в жизни сложно организованного общества даже в самые «темные» десятилетия V в. Хотя боспорская знать в V в. носит в основном иранские имена (Саваг, Устан, Исгудий), общая доля иранских имен в просопономике Боспора невелика: до конца IV в. она составляла 14% (в азиатской части - 24, 7%), в Пантикапее 9, 4%, около того - в Фанагории. В V в. доля иранских имен возрастает до 30%.

Таким образом, великий греко-иранский синтез, происходивший на берегах Северного Понта многие столетия, дал многочисленные плоды и привел к появлению оригинальной смешанной культуры. Но культурная инте-

грация до самого конца античности не привела ни к процессам этногенетической миксации, ни к ассимиляции какой-либо из этнических групп. Тем не менее, все этнические группы, оседавшие на Боспоре, попадали в сферу действия боспорской государственности и отчасти усваивали образ жизни боспорян. Будучи «обществом на перекрестке» (gateway community), Боспор выполнял огромную задачу организации контактов между различными племенами и народами [125] (к примеру, огромное значение по своим последствиям имела историческая встреча иранского и германского миров в Северном Причерноморье). При этом он сохранил социальные основы своей жизни и государственность на протяжении тысячелетия, чему немало способствовал тот факт, что в большей своей части страны, выходящие к Черному морю, никогда не были заняты греками, не находились ни под их управлением, ни в зависимости от них. Таким образом, степень варваризации Боспора преувеличивать нельзя.

В погребальном обряде Боспора лишь после готских походов появляются признаки, свидетельствующие о проникновении сармато-аланских традиций (деформированные черепа, камерные гробницы с сопровождающими захоронениями коней, собак и др.). Однако, вплоть до утверждения христианства здесь господствовал в основе своей греческий погребальный обряд, некоторые элементы которого сохранялись и последующие столетия⁹.

В Херсонесе процесс варваризации был гораздо менее интенсивен. «Процент» варваризации здесь был ниже. Судя по происходящему из Херсонеса фрагменту декрета, Феодосий I, а затем в 408 г. и Гонорий разрешили варварам-федератам селиться в Херсонесе и его округе¹⁰. Поэтому варварский элемент сконцентрировался именно в этом регионе, а не в самом городе.

Обратной стороной процесса варваризации был процесс эллинизации, распространения позднеантичного влияния на варварскую периферию. Одним из показателей этого было движение керамической тары на север. Северная граница распространения краснолаковых сосудов в Восточной Европе проходит по линии Львов-Киев-Харьков-Саратов¹¹. Данный фактор более объективен, так как принимает во внимание массовый материал, а не отдельные вотивы варварским вождям в виде предметов искусства.

На варварской периферии Боспора и Херсонеса преобладали «внутренние» этнические процессы. Общие закономерности взаимоотношений античной цивилизации и ее варварской периферии в целом здесь сохранялись. Варварское море отнюдь не затопило Боспор. Как и в основных провинциях империи, варвары в это время вступили в интенсивные контакты с античными городами, попытались приспособиться к античным политическим и социальным институтам. В целом же, однако, античные основы жизни в Херсонесе и на Боспоре, несомненно, сохранились, что и позволило этим очагам цивилизации перейти в ранневизантийскую эпоху. [126]

Примечания

1. Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. – М., 2000. – С. 7.

2. Анфертьев А.Н. Прологомены к изучению этнической истории // Этнос и этнические процессы. – М., 1993. – С.65.
3. Буданова В.П. Корпоративность раннесредневековой этнической общности: миф или реальность? // Общности и человек в средневековом мире. – М.-Саратов, 1992. – С.47.
4. Там же. – М.-Саратов, 1992. – С.48.
5. Гиренко Н.М. Племя и государство: проблемы эволюции // Ранние формы социальной стратификации. – М., 1993. – С.124.
6. Крадин Н.Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. – М., 1995. – С.11-12.
7. Там же. – С.16-17.
8. Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. – Белгород, 1996; Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. – К., 2000 и др.
9. Масленников А.А. Эволюция представлений боспорян о загробном мире и их погребальный обряд // Идеологические представления древнейших обществ. – М., 1980. – С.121.
10. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеермского и раннесредневекового времени // МА-ИЭТ. I. – Симферополь, 1990. – С.67.
11. Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н.э. – М., 1967. – С.67.

ЗАВОЕВАНИЕ ГРЕЦИИ РИМОМ В АСПЕКТЕ ПАССИОНАРНОЙ ТЕОРИИ ЭТНОГЕНЕЗА Л.Н. ГУМИЛЕВА²

К.С. Дроздов (Белгород)

Современная историческая наука, которая опирается на междисциплинарный подход в изучении исторического процесса, все чаще и чаще берется за разработку проблем, связанных с этнической историей, этническими закономерностями. И это неудивительно, ведь сегодня стало совершенно очевидно, что на многие вопросы социально-экономического и военно-политического характера подчас невозможно найти объективные ответы без учета этнической составляющей. [127] Исследуя самым тщательным образом этногенез исчезнувших и современных народов, мы корректируем во многом те – культурно-социологические модели, при помощи которых пытаемся познать прошлое народов, культур, цивилизаций.

Пассионарная теория этногенеза, разработанная Л.Н. Гумилевым более трех десятилетий назад, позволяет реконструировать стадию этногенеза эллинов эпохи римского завоевания как природный процесс, который имеет свой алгоритм развития, отличный от закономерностей общественно-исторического характера. Это очень важный момент, ибо в советской науке этнос и этногенез понимались как социально-исторические феномены, и поэтому фактически не существовало четкого разделения этнического аспекта и социального. Гумилевский подход к прошлому эллинов и римлян дает возможность исследователю по-новому взглянуть на историю Эллады и Рима, преодолеть многие стереотипы, которые возникли в рамках традиционной историографии. А потому будет интересным рассмотреть проблему римского завоевания Эллады в конце III – начале II вв. до н.э. с точки зрения взаимодействия и взаимовлияния двух этносов, находящихся в разных фазах (стадиях) этногенеза, с различным уровнем пассионарного напряжения и, соответственно, прямо противоположными возрастными стереотипами поведения греков и

² Статья публикуется в порядке дискуссии.